

Евроатлантическое сообщество в середине 2000-х

На пути из Ирака в Центральную Евразию

К началу первого срока пребывания у власти Дж. Буша-младшего евроатлантическое сообщество подошло в достаточно хорошей форме. Этим оно во многом было обязано усилиям администрации Б. Клинтона, осуществившей ряд крупных геополитических проектов и обеспечившей тем самым сохранение и относительную жизнеспособность связки между Соединенными Штатами и их европейскими союзниками по НАТО. В качестве таких проектов были избраны в первую очередь расширение НАТО и постепенная адаптация военных и политических структур альянса к изменявшейся на протяжении последних полутора десятилетий среде безопасности. И несмотря на то, что фактор Ирака продолжает негативно сказываться на атмосфере трансатлантических отношений, объективная взаимодополняемость ресурсов и намерений Соединенных Штатов и Европейского Союза в стремлении к расширению влияния евроатлантического сообщества в восточном направлении сохраняется.

Тенденция к нарастанию противоречий в трансатлантических отношениях наметилась с первых месяцев 2001 года, когда правительство Дж. Буша-младшего явно проявило свою склонность к силовым односторонним действиям на международной арене. На короткое время согласие в евроатлантический союз вернулось после событий 11 сентября 2001 года. Однако уже в ходе антиталибской операции осени 2001 — весны 2002 годов выяснилось, что противоречия были вызваны «системным» фактором, связанным с падением востребованности европейского военного потенциала в реализации американских внешнеполитических инициатив. После завершения активной фазы военной операции в Афганистане на горизонте замаячил новый кризис трансатлантических отношений, оказавшийся, пожалуй, самым серьезным испытанием для американо-европейского союза за последние 20 лет. Разногласия вокруг Ирака стали отражением серьезнейших расхождений между США и крупными западноевропейскими державами, выступившими солидарно с Россией, по целому ряду вопросов: о роли

ТРОИЦКИЙ Михаил Алексеевич — старший научный сотрудник Института США и Канады РАН, кандидат политических наук.

ООН в современном мире, о допустимости нарушения суверенитета государства под предлогом устранения нежелательного для сверхдержавы режима, а также о средствах и методах урегулирования конфликтов на Ближнем Востоке.

Иракский кризис трансатлантического единства

Соединенным Штатам, решившимся на интервенцию в Ирак с последующей оккупацией страны, уже на протяжении полутора лет приходится пожинать плоды своей быстрой военной победы. Присутствие в Ираке, помимо американских войск, контингентов из 28 государств имеет скорее политическое, чем военное значение. Войска подавляющего большинства партнеров Соединенных Штатов по коалиции не вносят сколь-нибудь заметного вклада в подавление вооруженного сопротивления противника; крайне незначительно их участие даже во вспомогательных миссиях. Крупнейшие из союзных США контингентов, развернутых в Ираке (по состоянию на январь 2005 года, британский составлял около 8,8 тысячи военнослужащих, южнокорейский — 3,6 тысячи, итальянский — 3 тысячи, польский — 2,5 тысячи человек¹), не сравнимы с американским, насчитывающим до 140 тысяч человек. При этом Пентагон считает, что такое количество американских войск недостаточно для решения стоящих перед коалицией задач, и, судя по ряду сообщений, в ноябре 2004 года началась переброска в Ирак дополнительных американских соединений.

¹ «Non-U.S. Forces in Iraq» — 15 January 2005». — http://www.globalsecurity.org/military/ops/iraq_orbat_coalition.htm.

Силы иракского сопротивления не только в полной мере используют уязвимость американского контингента, но и стремятся нанести максимальный ущерб единству введомой Соединенными Штатами коалиции, пытающейся стабилизировать ситуацию в стране после свержения режима Саддама Хусейна. Потери американских войск в Ираке (около 1450 военнослужащих убитыми с начала военной кампании по февраль 2005 года²) относительно невелики для столь масштабной операции и пока не достигли уровня, болезненного для американского общественного мнения. Однако в странах — союзницах США даже на два порядка меньшие потери вызывают серьезный общественный резонанс: гибель свыше 80 британских, 20 итальянских, 18 украинских и 16 польских военных³ создает ощутимые внутривнутриполитические проблемы для соответствующих правительств.

² «U.S. Casualties in Iraq». — http://www.globalsecurity.org/military/ops/iraq_casualties.htm.

³ См. <http://icasualties.org/oif/>, февраль 2005.

После террористических актов в Испании в марте 2004 года, ответственность за которые взяла на себя «Аль-Каида», Ирак покинули испанские военные, а в конце сентября из страны были выведены 60 новозеландских военнослужащих. Постепенное сокращение своего контингента планирует даже Польша, которая первоначально наряду с США и Великобританией получи-

ООН в современном мире, о допустимости нарушения суверенитета государства под предлогом устранения нежелательного для сверхдержавы режима, а также о средствах и методах урегулирования конфликтов на Ближнем Востоке.

Иракский кризис трансатлантического единства

Соединенным Штатам, решившимся на интервенцию в Ирак с последующей оккупацией страны, уже на протяжении полутора лет приходится пожирать плоды своей быстрой военной победы. Присутствие в Ираке, помимо американских войск, контингентов из 28 государств имеет скорее политическое, чем военное значение. Войска подавляющего большинства партнеров Соединенных Штатов по коалиции не вносят сколь-нибудь заметного вклада в подавление вооруженного сопротивления противника; крайне незначительно их участие даже во вспомогательных миссиях. Крупнейшие из союзных США контингентов, развернутых в Ираке (по состоянию на январь 2005 года, британский составлял около 8,8 тысячи военнослужащих, южнокорейский — 3,6 тысячи, итальянский — 3 тысячи, польский — 2,5 тысячи человек¹), не сравнимы с американским, насчитывающим до 140 тысяч человек. При этом Пентагон считает, что такое количество американских войск недостаточно для решения стоящих перед коалицией задач, и, судя по ряду сообщений, в ноябре 2004 года началась переброска в Ирак дополнительных американских соединений.

Силы иракского сопротивления не только в полной мере используют уязвимость американского контингента, но и стремятся нанести максимальный ущерб единству ведомой Соединенными Штатами коалиции, пытающейся стабилизировать ситуацию в стране после свержения режима Саддама Хусейна. Потери американских войск в Ираке (около 1450 военнослужащих убитыми с начала военной кампании по февраль 2005 года²) относительно невелики для столь масштабной операции и пока не достигли уровня, болезненного для американского общественного мнения. Однако в странах — союзницах США даже на два порядка меньшие потери вызывают серьезный общественный резонанс: гибель свыше 80 британских, 20 итальянских, 18 украинских и 16 польских военных³ создает ощутимые внутривосточные проблемы для соответствующих правительств.

После террористических актов в Испании в марте 2004 года, ответственность за которые взяла на себя «Аль-Каида», Ирак покинули испанские военные, а в конце сентября из страны были выведены 60 новозеландских военнослужащих. Постепенное сокращение своего контингента планирует даже Польша, которая первоначально наряду с США и Великобританией получи-

¹ «Non-U.S. Forces in Iraq— 15 January 2005». — http://www.globalsecurity.org/military/ops/iraq_orbat_coalition.htm.

² «U.S. Casualties in Iraq». — http://www.globalsecurity.org/military/ops/iraq_casualties.htm.

³ См. <http://icasualties.org/oif/>, февраль 2005.

ла сектор ответственности на иракской территории сразу после окончания активной фазы военной операции. Если поляки рассчитывают окончательно покинуть Ирак к концу 2005 года, то уже в декабре 2004-го своих военных оттуда вывела Венгрия — другой важный союзник США по НАТО в Центральной Европе. Украина, чей контингент в начале 2005 года был пятым по численности, объявила о намерении вывести свои войска из Ирака до конца октября 2005 года.

Конца прямому американскому участию в делах Ирака, а значит, и вооруженному противостоянию на иракской территории, не предвидится. Соответственно все большую значимость приобретает вовлечение в решение иракской проблемы, которую столь «умело» разворошили американцы, дополнительных сил и финансовых ресурсов союзников США. В решении этой задачи Вашингтон сталкивается с предсказуемыми трудностями: взаимопонимание между США и крупными западноевропейскими союзниками по НАТО, потенциальными донорами «иракского проекта», было подорвано еще в ходе подготовки к войне. Если натовские новички своей политикой в ходе иракского кризиса однозначно продемонстрировали союзническую верность Соединенным Штатам, то Германия и Франция — влиятельные западноевропейские члены НАТО, одновременно являющиеся лидерами Европейского Союза, — подвергнув жесткой критике действия антииракской коалиции, выступили с инициативами повышения автономии ЕС от НАТО и США в области внешней политики и безопасности.

Лидеры четырех наиболее негативно настроенных по отношению к иракской политике США государств Европы — Бельгии, Германии, Люксембурга и Франции — еще в разгар военных действий выдвинули проект создания новых оборонных структур ЕС, включая штабные. Затем, на саммите ЕС в декабре 2003 года, была принята официальная «Стратегия европейской безопасности» — ответ на односторонне-превентивную «Стратегию национальной безопасности США» 2002-го, а в проект Европейской конституции (одобрен на саммите ЕС в июне 2004 года) были включены важные установления, призванные повысить роль ЕС как самостоятельного и консолидированного международного игрока.

Иракская кампания, таким образом, усугубила кризис НАТО как главного института коллективной безопасности евроатлантического сообщества и связующего звена между Европой и Северной Америкой. Даже когда «дым» на полях военных и дипломатических сражений рассеялся, никто внутри евроатлантического сообщества не мог отрицать наличие серьезных проблем, выходящих за пределы традиционных рабочих разногласий. Сложность ситуации, сложившейся по итогам дебатов вокруг Ирака, пришлось открыто признать даже американской администрации, которая обычно склонна ретушировать противоречия, дабы не давать противникам трансатлантического единства дополнительные козыри.

«Старые» союзники и новые проблемы

Угроза трансатлантическому единству и необходимость поиска ко-спонсоров для обустройства послевоенного Ирака заставили США на протяжении последних полутора лет прилагать усилия, чтобы, с одной стороны, сгладить противоречия с ключевыми западноевропейскими союзниками, а с другой — воспрепятствовать излишней, с точки зрения Белого дома, внешнеполитической и оборонной автономии европейцев.

Прежде всего Соединенные Штаты постарались смягчить недовольство своей деятельностью в Ираке. Для этого американцам пришлось согласиться на передачу части полномочий по управлению страной в руки многосторонних структур, повысив роль Организации Объединенных Наций в постконфликтном урегулировании и восстановлении Ирака. По окончании боевых действий против иракской армии в 2003 году Соединенные Штаты при поддержке Великобритании и Испании добились принятия резолюций Совета Безопасности ООН, в которых признавалась ответственность США и других стран коалиции за управление Ираком и поддержание порядка в стране. В обмен на такую легитимность «задним числом» военной операции, а также Временной коалиционной администрации Ирака, страны коалиции соглашались с необходимостью сформировать в обозримом будущем национальные органы управления Ирака и с правом СБ ООН получать от Вашингтона отчеты о действиях оккупационных сил и Временной администрации страны. Кроме того, с помощью данных резолюций страны коалиции пытались привлечь к «иракскому проекту» дополнительные финансовые средства потенциальных спонсоров и убедить колеблющиеся страны в необходимости отправки в Ирак воинских контингентов для оказания помощи коалиционным войскам.

Если международное сообщество в целом с энтузиазмом отнеслось к расширению роли ООН в Ираке, то призывы коалиции к оказанию материальной поддержки «иракскому проекту» встретили гораздо меньшее понимание. К примеру, Вашингтон длительное время сталкивался с неготовностью пойти на списание большей части внешнего долга Ирака. Взамен на такой шаг наиболее крупные кредиторы (включая Россию) выдвигали оправданные требования относительно допуска их компаний к заказам в рамках проектов восстановления Ирака, а также соблюдения Временной администрацией, а затем и Временным правительством Ирака обязательств по контрактам, принятым на себя иракскими властями в годы правления Саддама Хусейна. Только после урегулирования ряда острых разногласий по этим вопросам страны-кредиторы в ноябре 2004 года объявили о согласии списать до 80 процентов иракского внешнего долга.

Делая примирительные жесты в отношении международного сообщества, Соединенные Штаты в любом случае не собираются позволить кому бы то ни было воспользоваться плодами своей военной победы. Переходный нацио-

нальный орган управления страной — Временное правительство Ирака — было сформировано в конце июня 2004 года под контролем Вашингтона и остается практически полностью зависимым от оккупационных войск в обеспечении собственной безопасности. Прошедшие в январе 2005 года выборы в высший законодательный орган Ирака лишь высветили проблему религиозно-этнического раскола страны. Сам факт состоявшихся общенациональных выборов скорее всего не приведет к укреплению стабильности и гражданского мира. Формирование к концу 2005 года в соответствии с конституционными процедурами полноправного национального правительства наверняка окажется под угрозой, в том числе из-за интенсивной вооруженной борьбы сил иракского сопротивления с войсками коалиции, которая не позволяет проводить выборы на весьма обширных территориях внутри Ирака. В любом случае Соединенные Штаты как лидер коалиции, чьи войска играют ключевую роль в стабилизации ситуации и физической защите иракских органов власти, будут сохранять определяющее влияние на положение в Ираке настолько долго, насколько американская администрация сочтет целесообразным.

Кризис НАТО не поколебал и твердую ограничительную позицию Вашингтона в отношении независимых проектов развития европейской идентичности в области безопасности и обороны. США продолжают настаивать на неотделимости формирующихся структур безопасности ЕС от НАТО. Чтобы компенсировать потерю взаимопонимания с крупными западноевропейскими странами, США стремятся «структурировать» НАТО вокруг новых членов альянса из Центральной и Восточной Европы.

«Новая Европа» в евразийской стратегии США

Эти государства находятся ближе к очагам нестабильности в Центральной Евразии и на Ближнем Востоке, к которым прикованы внимание и ресурсы США, и поэтому приобретают новое геополитическое значение в американской глобальной стратегии. Кроме того, союзники из Центральной и Восточной Европы предоставляют американцам важнейший ресурс политической поддержки инициатив Вашингтона, имеющий высокую ценность для администрации США как на международной, так и на внутривнутриполитической арене. Например, в ходе президентских выборов осенью 2004 года республиканская администрация не раз указывала на то, что действия США в предыдущие три года носили не столь уж односторонний характер, а были поддержаны многими европейскими государствами — «перспективными» союзниками США. Стремясь обновить свой мандат на управление государством, администрация Дж. Буша-младшего не слишком огорчалась из-за того, что подобный подход дезориентировал «старых», будто бы «набивших оскомину» своим внешнеполитическим консерватизмом западноевропейских союзников.

Одним из инструментов «наказания» несогласных с иракской политикой США государств Западной Европы является процесс сокращения американского военного присутствия в этом регионе. Особенно это касается военных баз в Германии, откуда США планируют передислоцировать свои контингенты в Польшу, Румынию, Болгарию, а также в центральноазиатские и, в перспективе, в закавказские государства.

Для самих же стран Центральной и Восточной Европы, а также потенциальных членов альянса на Балканах и в Закавказье, на которых делают «ставку» в Вашингтоне, НАТО — отнюдь не «умирающая» организация, якобы находящаяся в кризисе. Наоборот, участие в альянсе или стремление к нему присоединиться является для них инструментом повышения своего статуса на мировой арене посредством более тесной координации своей внешней политики с единственной сверхдержавой. Ярким примером здесь является Грузия. Ради сближения с НАТО Тбилиси пошел на крупное увеличение грузинского контингента, дислоцированного в Ираке*.

Опираясь внутри НАТО на поддержку новых членов, Соединенные Штаты одновременно продолжают подталкивать реформу альянса в направлении расширения спектра его задач и географической зоны ответственности. По мнению одного из авторитетных российских аналитиков, «Вашингтон меняет свой подход к региону Центральной Азии, переходя от спорадической военной активности (как это имело место в Афганистане) к более систематическому и традиционному проецированию силы на регион»⁴. Данная политика отражает объективную тенденцию к смещению географического центра интересов Соединенных Штатов на Ближний и Средний Восток, в Центральную Азию и «перетеканию» оттуда в направлении Китая. При этом американские и китайские интересы начинают взаимодействовать и конкурировать все больше к западу и северо-западу от Китая (Центральная Азия, Афганистан, Индия), чем к востоку от него (тайваньская и корейская проблемы), как это традиционно имело место на протяжении последних десятилетий.

Соответственно под влиянием Соединенных Штатов происходит осторожное, но неуклонное и целенаправленное «выдвижение» НАТО на просторы Евразии — если пока не в форме институционального расширения, то, во всяком случае, в виде повышения политического влияния, прощупывания возможностей участия альянса в разрешении стратегически важных конфликтов на континенте далеко за пределами не только Западной, но также Центральной и Восточной Европы. Крупным шагом в рамках этой

* В конце января 2005 года официальный представитель Грузии объявил о вероятном расширении грузинского контингента, дислоцированного в Ираке, на 500 военнослужащих. Это позволило бы довести общее количество грузинских военных в Ираке почти до 1 тысячи человек (см. **К. Moore**. Coalition may dwindle after Iraqi elections. — «ISN Security Watch». 10.11.2004; «Non-U.S. Forces in Iraq — 15 January 2005». — http://www.globalsecurity.org/military/ops/iraq_orbat_coalition.htm).

⁴ **A. Bogaturov**. International Relations in Central-Eastern Asia: Geopolitical Challenges and Prospects for Political Cooperation. Wash., 2004. P. 2.

стратегии стало принятие НАТО ответственности за командование Силами содействия стабильности в Афганистане, где в августе 2003 года был развернут 6-тысячный контингент, подчиненный европейскому командованию НАТО.

Желая ограничить импульс формирующихся структур безопасности ЕС к повышению собственной автономии, Вашингтон также стремится привлечь управляемые и финансируемые Евросоюзом контингенты к военно-политическим инициативам, осуществляемым при лидерстве США на пространствах Евразии, тем самым теснее «замыкая» их на НАТО. Так, с Евро-

пейским Союзом была достигнута договоренность о передаче командования Силами содействия стабильности в Афганистане военно-штабным структурам ЕС на период с сентября 2004-го по февраль 2005 года⁵, что необходимо

Вашингтону для укрепления легитимности присутствия Запада в Афганистане, где продолжается американская операция «Несокрушимая свобода», в которой задействовано свыше 20 тысяч американских и британских военных.

Альянс продолжает присматриваться к Центральной Азии и Закавказью. В конце октября — начале ноября 2004 года группа чиновников и экспертов НАТО во главе с генеральным секретарем альянса Я. де Хооп Схеффером посетила ряд государств этого региона. Натовские официальные лица обменялись с руководством Узбекистана, Киргизии и Казахстана оценками регио-

нальной ситуации в области безопасности и обсудили потенциальные проекты сотрудничества между НАТО и ключевыми центральноазиатскими государствами⁶. При этом, как отмечали наблюдатели, стремление США уси-

ливать присутствие НАТО в Центральноазиатском регионе может привести к дополнительным трениям с европейскими членами альянса, которые не видят столь же высокой актуальности подобных проектов. Например, для европейцев существенно ниже, чем для США, ставки в «нефтегазовых играх» на пространствах Евразии.

Если в центральноазиатских странах речь идет пока о «географически точечных» (таких, как американские базы) или ограниченных по масштабу проектах военного сотрудничества с НАТО, то в трех государствах Закавказья это сотрудничество принимает все более конкретный характер — вплоть до принятия и осуществления индивидуальных планов партнерства Грузии и Азербайджана (а в перспективе — и Армении) с НАТО*. Несмотря на довольно пессимистические оценки текущих возможностей расширения присутствия НАТО в Закавказье, появившиеся во влиятельных западных изданиях военно-по-

* Четкую позицию относительно необходимости «дифференциации» подходов НАТО к сотрудничеству со странами Закавказья и Центральной Азии высказал, к примеру, влиятельный американский аналитик Р. Асмус (см. «Политика НАТО на Кавказе не нацелена против России. Интервью Р. Асмуса агентству новостей “Медиамакс”». Ереван, 18.10.2004).

литического профиля⁷, генеральный секретарь НАТО об-суждал в Тбилиси перспективы присоединения Грузии к альянсу (пусть и в неопределенном будущем). НАТО также приветствует расширение участия военнослужащих из за-кавказских государств в операциях в Ираке, Афганистане и Косово. Вместе с тем в настоящий момент альянс явно не готов присоединиться к разрешению нагорно-карабахского конфликта и не планирует развер-тывание военных баз в регионе⁸.

Для взаимодействия с закавказскими партнерами в НА-ТО применяется тактика работы через «молодых» членов альянса, что позволяет снизить расходы и снять политическую ответственность с США и крупных европейских держав (в том числе в связи с негатив-ным отношением России к активизации НАТО на Кавказе). Натовские «новички» имеют возможность утвердить свою роль в качестве проводников влияния альянса на пространствах Евразии в первую очередь посредством специаль-ных программ помощи военным реформам в странах Закавказья. Эти про-граммы поддерживаются правительством США, которое полагает, что опыт прибалтийских государств, приобретенный ими на пути адаптации к натов-ским стандартам, может оказаться полезным и для других бывших республик СССР. Особенно активно развивается сотрудничество меж-ду Литвой и Грузией, направленное на консультирование грузинской стороны по вопросам реализации индивиду-ального плана партнерства между НАТО и Грузией⁹. Можно также предположить, что со временем, если в аппарате НАТО будет принято соответствующее решение, «молодые» члены альянса станут активными про-водниками идеи интеграции в НАТО закавказских государств. Такая поддерж-ка может оказаться важной для Вашингтона, если другие его партнеры будут высказывать сомнения относительно планов расширения присутствия НАТО в Закавказье.

⁷ См., например: «Pulled in All Di-rections. NATO and South Caucasus Briefing». — «Jane's Defence Weekly». 06.10.2004. P. 28—29.

⁸ См. «NATO leader visits South Caucasus». — «ISN Security Watch». 09.11.2004.

⁹ См. V. Socor. Baltic anchors to the Black Sea — «Eurasia Daily Monitor». 22.10.2004.

Расширение евроатлантического сообщества: новые горизонты

Стремясь направить ресурсы Евросоюза на стратегически выгодные США проекты, Вашингтон настаивает на сближении с Турцией и последующем вступлении этой страны в ЕС. Для Соединенных Штатов было бы крайне жела-тельно, чтобы Европа экономически поддержала важного стратегического со-юзника Вашингтона. Если процесс подготовки вступления Турции в Евросоюз будет запущен, то ЕС придется «отвечать» за экономическое развитие этой страны и приведение ее в соответствие с западными стандартами в области демократического государственного управления, а США смогут сильнее опи-раться на Турцию в своей ближневосточной политике. Аналогичный сцена-рий вероятен и в отношении Украины. После победы на президентских выбо-

рах в декабре 2004 года прозападные силы на Украине уже «предъявляют счет» Брюсселю в виде требования начать конкретное обсуждение перспектив присоединения страны к Евросоюзу. На ЕС, таким образом, ляжет основной груз экономической поддержки украинских реформ, в то время как Соединенные Штаты попытаются включить Украину в группу своих ближайших военно-политических союзников.

Однако стоит признать, что Европейскому Союзу как игроку на поле международной безопасности сегодня выгодно сотрудничество с Соединенными Штатами даже на весьма жестких условиях, выдвинутых Вашингтоном, к военным ресурсам которого структуры ЕС могут получать доступ через взаимодействие с НАТО. Европейский Союз еще только «обучается» проведению военных операций низкой и средней интенсивности, поэтому сотрудничество с НАТО в Боснии, где в декабре 2004 года началась военная миротворческая операция, является для европейцев и необходимым, и целесообразным, если Евросоюз планирует и дальше повышать свой статус влиятельного субъекта мировой политики, подкрепляя его военно-политическим потенциалом.

Сегодня складывается ситуация, в которой «военный кулак» США и «мягкая сила» Европейского Союза могут фактически дополнять друг друга. Например, Вашингтон «пугает» ливийского лидера М. Каддафи возможностью смены режима в Ливии по «иракскому сценарию», в то время как Брюссель «заманивает» Триполи в сети программ поддержки средиземноморских государств и преференциальных торговых соглашений. Итогом такого, возможно, спонтанно сложившегося сотрудничества стали открытие Ливии для международных инспекторов по контролю над оружием массового уничтожения весной 2004 года и другие «реверансы» М. Каддафи в сторону Запада.

Тем не менее в дальнейшем эта взаимодополняемость «мягкого» финансово-организационного ресурса ЕС и прямолинейного силового давления США скорее всего подвергнется испытаниям. Прежде всего серьезные трения, вероятно, вызовет вопрос о взаимоотношениях ЕС и Турции. Если за начало постепенной интеграции Турции в ЕС выступают такие авторитетные европейские лидеры, как Ж. Ширак или Г. Шредер, то против — с одной стороны, население многих стран (включая французов и немцев, причем во Франции «турецкий вопрос» будет вынесен на референдум), а с другой — наднациональные органы ЕС, которым предстоит еще адаптироваться к работе. О том, насколько усложнился поиск компромисса внутри ЕС после расширения 2004 года, свидетельствует кризис с утверждением Европейским парламентом состава Еврокомиссии во главе с Ж. Дурау Баррозу в октябре 2004-го. Различаются и подходы Европейского Союза и США к проблеме разрешения палестино-израильского конфликта. Сближение позиций здесь сильно осложнено, однако оно неизбежно потребует для поддержания духа союзничества в трансатлантических отношениях после иракского кризиса. Смена руководства Палестинской автономии, вероятно, сможет привести к прогрессу в урегулировании конфликта.

В более широком контексте проблема взаимодействия между США и Евро-союзом, внутри которого позиция Германии и Франции, оппонирующих политике Дж. Буша, чаще всего играет решающую роль, в конфликтных зонах Евразии заключается в следующем. Главные цели Вашингтона на Ближнем Востоке и в сопредельных регионах — это победа над радикалами, которые стоят за международным терроризмом; кажущаяся утопической «демократизация» мусульманских государств; а также вполне прагматичная попытка получить контроль над добычей энергетических ресурсов. Для Западной Европы это регион, напрямую воздействующий на внутривнутриполитическую ситуацию в странах ЕС ввиду своей географической близости и наличия диаспор выходцев с Ближнего Востока в западноевропейских государствах. Поэтому, как и продемонстрировал раскол во мнениях по «иракскому вопросу», Евросоюз с огромным опасением смотрит на любые резкие действия США в этом регионе, способные спровоцировать террористическую активность и социальную нестабильность в Западной Европе.

«Иракская проблема» стала водоразделом и в отношениях России с Соединенными Штатами. Сложившийся после событий 11 сентября 2001 года «квазисоюз» Москвы и Вашингтона оказался в начале 2003-го под угрозой полного разрушения. После иракской кампании между двумя сторонами наметились новые противоречия, проявившиеся на постсоветском пространстве, а также в связи с критикой ряда тенденций во внутривнутриполитической жизни России, прозвучавшей со стороны Вашингтона. Однако нельзя не заметить, что, изначально «поссорив» США с Россией, на рубеже 2004—2005 годов Ирак может создать дополнительные возможности для сотрудничества между Вашингтоном и Москвой в том случае, если администрация Дж. Буша пойдет по пути смягчения прежних односторонних подходов к внешнеполитической стратегии и станет в большей степени учитывать точки зрения других влиятельных международных игроков на проблему стабилизации положения в Ираке.

Речь может идти в первую очередь о продолжении реализации контрактов на разработку нефтяных месторождений Ирака, заключенных российскими компаниями до падения режима Саддама Хусейна. Особенно активно обсуждаются перспективы добычи нефти на месторождении «Западная Курна» при участии российского «Лукойла», чей 8-процентный пакет акций был приобретен недавно компанией «СопосоPhillips», в которой участвует американский капитал¹⁰. Данный проект может привести к появлению прямой заинтересованности России в поддержании внутренней безопасности Ирака, что, в свою очередь, способно создать предпосылки для политического сотрудничества между Москвой и ведомой США коалицией.

Ближневосточная проблематика в целом, вопреки предсказаниям ряда наблюдателей, может оказать скорее скрепляющее, чем разделяющее воздействие на российско-американские отношения. Это продемонстрировала, к примеру, встреча президентов В. Путина и Дж. Буша в Братиславе в конце февра-

¹⁰ См. M. Katz. Will Russia and America be allies in Iraq? — <http://www.eurasianet.org/lexis-nexis/4659.html>.

ля 2005 года. Последний российско-американский саммит показал, что риторика защиты прав человека, свободы и демократизации, ставшая в ее весьма радикальной форме идеологической платформой второй администрации Дж. Буша, будет лишь в незначительной мере влиять на атмосферу российско-американских отношений. Наперекор рекомендациям «ястребов»-неоконсерваторов, а также ряда влиятельных лоббистов, президент Буш лишь «слегка пожурил» своего российского коллегу за некоторые внутривластные маневры, истолкованные на Западе как отход от демократической практики государственного управления. Официальный Вашингтон, очевидно, не намерен всерьез спорить с Москвой о внутрироссийских проблемах: слишком важные интересы в сфере контроля над распространением ОМУ и других опасных военных технологий, а также борьбы с терроризмом поставлены сегодня на карту в отношениях с Россией.

В число подобных интересов Соединенных Штатов входит также разрешение ближневосточных проблем, взаимодействие по которым с Россией может составить позитивную повестку дня российско-американских отношений в середине 2000-х годов. По ряду оценок, только совместные согласованные усилия России и США могут привести к относительно бесконфликтному урегулированию американо-иранских противоречий по поводу ядерной программы Тегерана. Россию и США объединяют также серьезнейшие опасения по поводу распространения не только оружия массового уничтожения, но и некоторых видов обычных вооружений (таких, как переносные зенитно-ракетные комплексы), попадание которых в руки террористов или повстанцев в Ираке или Чечне способно кардинально изменить ход соответствующих кампаний.

Развивая двустороннее взаимодействие с США, России стоило бы также продолжить добиваться прогресса в отношениях с НАТО. Учитывая, что США, к недовольству целого ряда западных наблюдателей, не оспаривают особую роль России в разрешении конфликтов на пространстве СНГ, Москва вполне могла бы пойти на встречные шаги. Если Россия полагает, что вступление в НАТО Украины противоречит ее интересам, то имело бы смысл постараться опередить Киев в сближении с альянсом. Одновременно было бы ошибкой списывать НАТО со счетов раньше времени — Дж. Буш-

¹¹ См. «Remarks at the Institut d'Etudes Politiques de Paris». — <http://www.state.gov/secretary/tm/2005/41973.htm>.

младший скорее всего будет стремиться к укреплению альянса (об этом свидетельствует риторика нового секретаря США Кондолизы Райс, посетившей Западную Европу с визитом в феврале 2005 года¹¹), а партнерство с Россией может оказаться важным общим проектом Европы и Америки. Как полагает один из российских специалистов по внешней политике США, «недостаток единства внутри НАТО между крупными и малыми государствами и (или) между европейскими членами альянса и США, вероятно, может быть компенсирован расширением и углублением реального — пусть и полуофициального — партнерства... между ведомой США НАТО и Россией, даже если формальное членство последней в альянсе будет

оставаться за пределами российской внешнеполитической повестки дня»¹².

Шансы на такое развитие событий в отношениях России и НАТО повышаются, если на юго-восточном направлении расширения своего влияния евроатлантическое сообщество столкнется с препятствиями внутреннего (дебаты о возможности приема Турции в ЕС) или внешнего (ожесточение борьбы с радикалами и террористами) характера. Новой тенденцией во внешней политике России, которая может сблизить Москву с Вашингтоном и НАТО, особенно если альянс будет продолжать наращивание политического (а в перспективе — военного) присутствия в Центральной Азии, является некоторое ужесточение российских взглядов на влияние Китая в данном регионе*. Кроме того, постсоветские республики Центральной Азии, судя по всему, не собираются развивать сотрудничество с США в области безопасности в ущерб аналогичным связям с Россией. Напротив, руководители таких государств, как Казахстан, Киргизия и Узбекистан, указывают представителям НАТО на то, что, развивая активность в Центральной Азии, альянс должен принимать во внимание приоритетность их военно-политического сотрудничества с Россией.

¹² A. Bogaturov. *International Relations in Central-Eastern Asia* P. 7.

---

* На саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в октябре 2004 года Россия выступила против выдвинутого Пекином проекта зоны свободной торговли в Центральной Азии. Учитывая, что другие члены ШОС поддержали данное предложение, появились основания предполагать, что российская озабоченность растущим присутствием Китая в Центральной Азии усиливается, создавая одновременно предпосылки для сближения с США и, в перспективе, с НАТО (см., например: A. Sahgal. *Growing Russian Influence in Central Asia*. — «Eurasia Daily Monitor». 08.11.2004).